

— Брат Линь И, — голос Чэн Яна дрожал, он сделал несколько глубоких вдохов, — а есть ли вероятность, что тьма перед нами — это вовсе не тьма?

Линь И опустил голову, раздумывая:

— А что ты называешь светом?

Чэн Ян промолчал.

Те, кто регистрировался перед ними, уже разошлись по своим комнатам, ориентируясь на номера ключей. Свет в коридоре третьего этажа был тусклым, но его хватало, чтобы разглядеть таблички на дверях.

— 303, 304... — Чэн Ян пересчитывал номера, и его лицо посерело. — 305...

Номера шли по порядку, ровным строем вдоль одной стороны коридора. Упорядоченность номеров доказывала, что эта черная ночь — время, когда NPC могут убивать. Однако игра началась сразу с наступлением темноты, и у них на руках не было ни единой зацепки.

Лицо Чэн Яна превратилось в маску отчаяния.

Стоя у двери своей комнаты, Линь И вставил ключ в скважину, а Чэн Ян наблюдал за ним со стороны. Линь И чувствовал себя жертвой, которую загнал в угол громила: казалось, стоит только открыть дверь, как этот тип ворвется внутрь и совершит преступление.

Линь И медлил, не поворачивая ключ. Помолчав, он сказал:

— Брат Чэн Ян, я вообще-то мужчина.

Чэн Ян не сразу понял, к чему это, а когда дошло, поспешно оправдался:

— А вдруг там какая-нибудь ловушка на открывание двери? Я постою за спиной, если что случится, может, успею тебя оттащить.

— Оу... — только и ответил Линь И.

Лишь под пристальным взглядом Чэн Яна он повернул ключ. Замок щелкнул, и звук пружины, вставшей на место, гулким эхом разнесся по коридору, уходя в его глубину. Линь И почувствовал, как Чэн Ян напрягся. Он толкнул дверь, вошел внутрь и осторожно высунул голову обратно.

Никакой ловушки не было.

Только тогда Чэн Ян решился открыть свою дверь. Убедившись, что тот справился, Линь И, словно возвращая долг, поспешно скрылся в своей комнате.

Внутри было темно, и Линь И не мог толком разглядеть обстановку, но в комнате стояла абсолютная тишина. Закрыв дверь, он нащупал выключатель и зажег свет.

При свете лампы Линь И обнаружил множество личных вещей — комната 304 выглядела так, будто в ней кто-то жил постоянно. Поскольку игра началась сразу с ночи, Линь И принялся за обыск. Он быстро осмотрел каждый уголок, нашел под кроватью полную банку для хранения, но полезных зацепок не обнаружил.

Взгляд Линь И упал на окно напротив двери. Оно было задернуто шторой, скрывавшей вид снаружи. Он сделал шаг в сторону окна, но тут же остановился. Всех их затянуло в это место правилами 7-7, и окна вызвали дурное предчувствие — кто знает, что случится, если подойти слишком близко. К тому же Цинь Чжоу предупреждал: остерегайтесь окон.

Линь И помедлил, но все же не стал испытывать судьбу.

Затем он посмотрел на стену — за ней была комната 305. Он видел, как Цинь Чжоу забирал ключ именно оттуда. Линь И почесал затылок, глубоко вздохнул и прижался ухом к стене.

Комната 305.

Цинь Чжоу уже обыскал всё помещение, но нашел мало что стоящего. В шкафу висела одежда — сплошь женские вещи маленького размера. На столе у кровати стояло множество баночек и тюбиков с косметикой. Если здесь кто-то и жил, то это была миниатюрная девушка.

В отличие от остальных, Цинь Чжоу вел себя так, будто вернулся домой. В конце концов, половина Правил кампуса была дополнена им самим после посещения Мира Правил. А то, что новое правило до сих пор не было сформулировано, означало лишь одно: оно еще не выбрало его своей целью.

Он перевел взгляд на окно. Из-за шторы было неясно, заколото оно или открыто.

Пока он всматривался в ткань, раздался едва слышный, тихий, словно комариный писк, звук:

— Старшекурсник...

Цинь Чжоу промолчал.

Линь И постучал по стене дважды. Получив ответный стук, он спросил:

— У меня есть вопрос к старшекурснику, можно?

Он был здесь впервые, не знал правил общения через стены и осторожно просил разрешения. Стена ответила коротким стуком.

Линь И решил, что это согласие, и произнес:

— Если старшекурсник не слышал о Клубе Менса, то, может, знает фразу: Не бойся врага-бога, бойся товарища-свинью?

С той стороны донеслось:

— ...

Линь И застенчиво начал рекламировать себя:

— У меня IQ 143. Если меня направить, я могу стать товарищем-богом.

За стеной воцарилась тишина. Похоже, Цинь Чжоу не горел желанием продолжать разговор. Линь И сам постучал трижды с паузами и, решив, что внимание Цинь Чжоу всё еще приковано к нему, продолжил:

— 28-го числа на автобусе я встретил вас не случайно. Вы пытались помешать первокурсникам приехать раньше времени. А список патрулирования Студенческого совета 29-го числа был пустым. На самом деле вы не хотите, чтобы студентов затягивало в Мир Правил, и всегда пытаетесь их защитить. Вы и есть тот самый человек с острым языком, но добрым сердцем?

Наконец, с той стороны донесся голос Цинь Чжоу:

— ...Испугался до глупости?

Линь И закончил с лестью, его уши горели от стыда. Быстро взяв себя в руки, он добавил:

— Нет, просто заметил, что после попадания в Мир Правил вы стали молчаливее. А когда душа компании умолкает, это подозрительно.

С той стороны повисло неловкое молчание.

— Я понял, что вы молчите, потому что насторожены и наблюдаете за нами, — сказал Линь И.

— Но вы знаете нас лучше всех, ведь вы председатель Студенческого совета. Однако чего именно вы опасаетесь? Если считаете, что мы будем обузой, можно просто выгнать нас. Нет нужды предупреждать об окнах или брать на себя инициативу с регистрацией. И тем более незачем наблюдать за нами — пользы от нас вам немного.

— Так... — отозвался Цинь Чжоу. — Что ты хочешь сказать?

— Хочу получить ваше доверие и доказать, что я не монстр, — ответил Линь И. —

Старшекурсник, Монстр 7-7 среди нас восьмирых, верно?

Если председатель Студенческого совета, душа компании, стал таким скрытным, это значит, что среди них есть кто-то, кого опасается даже он. В Мире Правил опаснее всего NPC, но еще опаснее — сам Монстр 7-7.

Цинь Чжоу долго молчал. Очевидно, он не ожидал, что Линь И так быстро до всего додумается. Линь И терпеливо ждал ответа, и вскоре стена отозвалась коротким стуком.

Он был прав.

Не дожидаясь следующего вопроса, Цинь Чжоу приглушенно произнес:

— Об этом знает лишь малая часть Студенческого совета.

Это означало, что Линь И должен хранить тайну.

— Хорошо, — Линь И понял, что остальные не в курсе. — Если вы не против, могу я спросить, почему?

Видимо, отбросив подозрения в отношении Линь И, Цинь Чжоу ответил:

— Монстр устанавливает правила игры и наслаждается ими, но монстр остается монстром — у него нет IQ 143. Условия убийства, или Правила смерти, всегда можно вычислить.

Теперь Линь И понял:

— То есть монстр — это надзиратель. Он прячется среди нас, чтобы следить за тем, как мы нарушаем установленные им правила, и при необходимости подталкивает нас к этому. А как только понимает, что мы раскрыли его сущность, начинает убивать, чтобы замести следы?

— Примерно так, — ответил Цинь Чжоу. — У самого монстра есть условие убийства.

— Какое?

— Убивать без разбора до начала Разбора игры.

Линь И не понял:

— Разбора игры?

— Единственный способ выбраться отсюда — найти его и сказать, что ты постиг все его правила. Это и есть Разбор игры, — пояснил Цинь Чжоу. — Я же говорил, это игра. Как только

ты узнаешь ее алгоритм, она вышвырнет тебя вон и больше не выберет для участия.

— Точно! — вспомнил Линь И. — Поэтому та бетонная дорога на вас не подействовала.

— Маленький гений с IQ 143, спрячь свой блеск подальше, — сказал Цинь Чжоу. — Больше всего он любит убивать таких, как ты.

Маленький гений ничуть не испугался, а лишь застенчиво ответил:

— Понял. Старшекурсник, как думаете, есть ли у меня задатки стать вашим божественным товарищем?

— ...

— Давайте сотрудничать, — предложил Линь И. — Я буду отвлекать внимание монстра, а вы ищите условия смерти и сообщайте мне.

— Ты боишься смерти или нет? — спросил голос из-за стены после долгого молчания.

— Конечно боюсь, — удивился Линь И.

— Тогда зачем отвлекать монстра? Думаешь, это круто?

Линь И замешкался и поспешил отговориться:

— Разделение труда повышает эффективность. Я устал, пойду посплю, спокойной ночи.

Чтобы убедить Цинь Чжоу, что он действительно собирается спать, он нарочно зашумел, укладываясь на кровать. Когда стихли звуки, Линь И уставился в потолок.

Цинь Чжоу не сказал ему условие смерти на эту ночь, да Линь И и не спрашивал. Ответ был прост: Цинь Чжоу тоже его не нашел.

Линь И закусил губу:

— Папа, мама, берегите меня.

Чтобы не давать мыслям разгуляться и уснуть, он пошарил в кармане, желая достать свой плеер, чтобы послушать белый шум.

Пусто.

Он понял, почему Цинь Чжоу сказал, что ножи бесполезны — их нельзя было пронести сюда. Его плеер, с которым он никогда не расставался, как и электронные часы, исчез.

Линь И тихо выдохнул.

Плохо дело. Придется лежать с открытыми глазами и ждать, пока NPC придут со своими условиями убийства. Понимая, что не уснет, он начал размышлять о старике-коменданте, пытаясь угадать его условие смерти.

Это регистрация? Если регистрируешься — умрешь? Если так, то разве не все должны были погибнуть?

— Черт... — Линь И вздохнул. — Забыл спросить старшекурсника, действует ли здесь правило «толпу не наказывают».

Только он договорил, как услышал шорох.

Линь И мгновенно сел, уставившись на штору. Звук доносился будто из-за окна, но стоило ему прислушаться, как он показался идущим из соседней комнаты. Он даже услышал короткий вскрик, который тут же оборвался.

Затем послышались подавленные всхлипывания — они были отчетливее шороха. Звук шел из комнаты 303, где жил Чэн Ян. Кровать Линь И стояла как раз у стены, смежной с 303-й, поэтому он слышал всё очень четко.

— У-у-у, процветание, демократия, цивилизованность, гармония...

— У-у-у, свобода, равенство, справедливость, правопорядок...

— У-у-у, патриотизм, преданность, честность, дружелюбие...

— У-у-у, нет, я все равно так боюсь...

Линь И: «...»

Это был Чэн Ян. Он рыдал по меньшей мере два часа. Когда он наконец затих, во всем общежитии стало тихо, и так продолжалось до самого рассвета, словно ночной шорох и вскрик были лишь слуховыми галлюцинациями.

В коридоре общежития затрещал динамик — звук был точь-в-точь как у уличных торговцев:

— Завтрак, завтрак, завтрак в комнате 103.

В коридоре слышались звуки открывающихся дверей. Линь И специально мешкал, и, выйдя из 304-й, столкнулся с Цинь Чжоу, выходящим из 305-й.

Цинь Чжоу взглянул на него. То, что другие не спали от страха, было понятно, но, увидев темные круги под глазами Линь И, он на мгновение замолчал.

Они оба намеренно медлили, чтобы краем глаза заглянуть в другие комнаты. Остальные явно не обладали таким хладнокровием и в панике наверняка забыли закрыть двери.

Убедившись, что в коридоре никого нет, Цинь Чжоу притянул Линь И ближе и понизил голос:

— Маленький гений, что ты творил ночью?

Линь И, не спавший всю ночь, чувствовал себя ужасно, и от резкого жеста Цинь Чжоу его прошибло холодным потом. Он отпрянул:

— Ничего, правда.

— Ты не спал, у тебя синяки под глазами, — сказал Цинь Чжоу. — Не говори, что от страха. У тебя хватило смелости лезть на рожон, не думаю, что здесь ты вдруг струсил.

— Слишком разволновался, не смог уснуть.

Цинь Чжоу хотел было что-то добавить, но Линь И погладил живот, пробормотал «я проголодался» и, вырвавшись из цепких рук старшекурсника, бросился к лестнице.

Цинь Чжоу помрачнел:

— ...

Хм, никакой искренности в сотрудничестве.

Комната 103 на первом этаже была переоборудована в столовую. Там стоял стол на восьмерых с кашей и закусками, но никто не спешил садиться — все боялись, что еда может быть опасна. Они ждали, пока кто-нибудь подаст пример, хотя животы у всех уже подводило от голода.

Линь И вошел в столовую последним, и все взгляды устремились на него. Чэн Ян, увидев его, с облегчением выдохнул:

— Слава богу, брат Линь И, ты жив!

От этих слов лица остальных помрачнели. В столовой было семеро — если бы NPC убил кого-то ночью, то это был бы... А если бы что-то случилось с Цинь Чжоу, то им и подавно конец.

Взгляды, обращенные на Линь И, стали сложными. Социофоб Линь И, чувствуя на себе множество глаз, поспешно сел за стол. Он решил заесть неловкость. Увидев, что Линь И ест и с ним ничего не происходит, остальные тоже решились сесть. Чэн Ян уселся рядом с ним, чему Линь И позавидовал, глядя на Ван До, сидевшего напротив в одиночестве — Цинь Чжоу еще не пришел.

Из-за этой зависти он задержал взгляд на Ван До и заметил неладное.

Остальные выглядели измотанными, но у Ван До глаза были налиты кровью. Он постоянно оглядывался назад, весь сжавшись, то и дело потирал лицо и грыз ногти. Поскольку он был единственным, кто уже попадал в Мир Правил, остальные засыпали его вопросами, но он молчал. Сюй Сячжи одернула Цюй Цзяляна:

— Хватит, он же сказал, что в прошлый раз просто отсиделся и ничего не знает.

— Но он единственный, кто здесь второй раз! — Цюй Цзялян не унимался. — Ван До, сколько нам тут сидеть? Я слышал, нужно продержаться столько же дней, сколько человек в группе. Это правда?

Ван До не ответил. Он продолжал смотреть на дверь, словно не слышал вопроса.

Его нервозность передалась остальным, и в конце концов три девушки не выдержали и заплакали.

— Ешьте, ешьте, — пытался подбодрить их Чэн Ян. — Старшие сестры, не плачьте, ешьте. Будут силы — найдем зацепки. Мне всегда везло, я обязательно что-нибудь найду.

— Если бы тебе везло, ты бы здесь не оказался! — огрызнулся Цюй Цзялян.

Чэн Ян возмутился:

— Ты чего на меня орешь? Не хочешь — не ешь, иди посиди в коридоре, да, брат Линь И?

Линь И: «...»

Он больше всего боялся таких моментов, когда его втягивали в разборки. От испуга у него выпали палочки.

Цюй Цзялян снова хотел наброситься на Чэн Яна, но Сюй Сячжи остановила его:

— Он прав, не срывай злость на младшем.

Дождавшись, пока Цюй Цзялян замолчит, Линь И наклонился, чтобы поднять палочки. И как

только он согнулся, его лицо изменилось.

Под столом он увидел живот Ван До. Он был неестественно большим. Конечно, не как у беременной на девятом месяце, но для обычного человека — более чем.

Был август, жара, Ван До был в футболке, поэтому Линь И отчетливо видел выпирающий живот. Не успел он вспомнить, был ли у Ван До такой живот вчера, как столовую огласил крик.

Линь И вскинул голову. Ван До рвало, но он, казалось, не чувствовал этого, продолжая смотреть на дверь. Люди в ужасе отпрянули. То, что он извергал, растекалось по столу: рис, лапша быстрого приготовления, острые палочки, тараканы и полупереваренная крыса.

Когда вышла крыса, тараканы прилипли к ней и, казалось, все еще шевелились.

— А-а-а-а!

— Твою мать, напугал до смерти! — Чэн Ян отпрыгнул, как ошпаренный, и тут произошло немыслимое.

Ван До заметил рвотные массы на столе, замер, и его тело начало биться в конвульсиях. Пальцы скрючились, как куриные лапки, палочки выпали, и через мгновение он рухнул на пол.

— Угх... кх...

Ван До мучительно стонал, скрюченными пальцами впиваясь в собственное горло, на котором появились десять кровавых борозд. Он раздирал кожу до мяса, ногти были забиты кровью и плотью.

Его ноги судорожно скребли по полу, оставляя следы. Но это длилось недолго. Рвота прекратилась, движения стихли, и он затих, свесив голову набок. Он перестал дышать.

— Он умер?

— Н-не знаю...

— Может, кто-нибудь проверит?

Линь И подумал, затем присел и потянулся к носу Ван До. Все затаили дыхание.

— Брат Линь И... он... он еще жив? — с болью спросил Чэн Ян.

Линь И покачал головой. Дыхания не было.

Он перевел взгляд на живот Ван До. Из-за рвоты он стал меньше, но все еще оставался выпуклым. Линь И даже увидел, как под кожей что-то едва заметно шевельнулось, словно волна.

То, что было в желудке, все еще живо?

Линь И опустил глаза, раздумывая, стоит ли надавить на живот, чтобы вытолкнуть это нечто. Раз Ван До умер, значит, он нарушил условие смерти. Если понять причину, можно найти зацепку — ведь никто не знал, что он пережил ночью.

Решившись, он хотел было предупредить покойника, чтобы тот не обижался на неуважение к телу:

— Старшекурсник Ван До, я...

В этот момент Линь И замер.

Заметив его оцепенение, Чэн Ян осторожно спросил:

— Брат Линь И, что такое?

Линь И указал на лицо Ван До.

— Что... что с ним? — Чэн Ян начал дрожать. — Брат Линь И, не пугай меня.

Линь И молчал. Он снова посмотрел на Ван До.

Глаза Ван До были широко раскрыты, и выпирающие зрачки смотрели прямо на Линь И. Возможно, он следил за ним с того самого момента, как Линь И посмотрел на его живот. Но окружающие этого не замечали.

Никто не видел, как уголки губ Ван До медленно, миллиметр за миллиметром, поползли вверх.

До жуткой, неестественной дуги.

Это была оскаленная, звериная улыбка.

<http://bllate.org/book/20949/2123990>